

Бах Ричард

Письмо от богобоязненного человека

Ричард БАХ

ПИСЬМО ОТ БОГОБОЯЗНЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Я больше не могу молчать. Ведь кто-то должен сказать вам, пилоты аэропланов, как устают те, кто не принадлежит к вашему кругу, от ваших бесконечных разговоров о том, как приятно летать, и приглашений прийти в воскресенье в середине дня, чтобы немножко пролететь с вами и почувствовать, что такое полет.

Ведь кто-то должен категорически сказать вам "НЕТ". Мы не придем в выходной или какой-нибудь другой день, чтобы подняться в воздух в одном из ваших опасных маленьких драндулетов. Нет, мы не считаем, что летать так уж приятно. С нашей точки зрения, мир был бы намного лучшим местом для жизни, если бы братья Райт выбросили на мусорник свои дурацкие планеры и никогда не пускались в полет со скалы Китти-Хоук.

Отчасти мы это можем понять. Мы прощаем каждому его увлеченность, когда он только начинает работать над чем-то очень интересным. Но это постоянное, не прекращающееся ни на один день миссионерство. Создается впечатление, что вы находите что-то священное в том, чтобы болтаться в воздухе, но ни один из вас не знает, как глупо это выглядит со стороны в глазах тех, кому присуще чувство ответственности за свою семью и за своих ближних.

Я бы не писал этого, если бы были какие-то надежды на улучшение обстановки. Но она продолжает ухудшаться с каждым днем. Я работаю на мыловаренном заводе, являюсь представителем хорошей безопасной профессии, мои интересы отстаивает профсоюз, и я буду получать пенсию, когда отработаю положенное время на производстве. Люди, с которыми я работал, были когда-то, прекрасными людьми с развитым чувством ответственности за свои действия, но теперь из шестерых человек, которые работали в нашем цехе, умерло три, пятерых охватила летная лихорадка. Я - единственный оставшийся нормальный человек. Поль Вивер и Джерри Маркес вдвоем уволились с работы неделю назад. Они вместе хотят податься в новый бизнес, который состоит в том, что они будут таскать в воздухе с помощью аэропланов рекламные плакаты.

Я умолял их, спорил с ними и обращал их внимание на финансовые стороны жизни... расчетные чеки, выслугу лет, профсоюз, пенсионное обеспечение... я говорил как будто со стенами. Они знали, что потеряют деньги (...Это только вначале, - говорили они. - ...Пока не разоритесь до конца, - предупреждал я). Но им так понравилась идея полета, что одной этой идеи им было достаточно, чтобы развязаться с работой и уйти с мыловаренного завода... где они проработали пятнадцать лет!

Самое вразумительное объяснение, которое мне удалось услышать от них, состояло в том, что они хотели летать. При этом у них было такое выражение лица, что я понял, что какие бы мотивы они не излагали, я все равно никогда не стану их единомышленником.

Я их действительно не понимаю. У нас все было общим, мы были лучшими друзьями до тех пор, пока не появился этот летный бизнес - так называемый авиаклуб, который, как чума, захлестнул рабочих завода. Поль и Джерри вышли из клуба игроков в шары в тот самый день, когда вступили в авиаклуб. С тех пор они не возвращались, и, думаю, уже никогда не вернуться назад.

Вчера, когда шел дождь, я не поленился посетить ничтожную маленькую полоску травы, которую они называют аэропортом, чтобы поговорить с парнем который возглавляет авиаклуб.

Я хотел сообщить ему, что он разрушает человеческие судьбы и предприятия по всему городу, и если у него еще осталось хоть какое-то чувство ответственности, он сделает вывод и уберется восвояси. В разговоре с ним я и услышал это слово "миссионерство", которое я здесь употребляю в отрицательном смысле. Судя по тому, что он делает, я бы сказал, что он - миссионер дьявола.

Когда я пришел, он работал над одним из аэропланов в большом сарае.

- Может быть, вы не знаете, что делаете, - сказал я. - С тех пор, как вы появились в городе и организовали свой авиаклуб, вы в корне изменили жизни большого количества людей, чем я могу сейчас назвать.

В течение минуты, кажется, он не понимал, как я был зол, потому что сказал:

- Я просто принес с собой эту идею. Они сами начинают чувствовать, что такое полет, - он сказал это так, будто столько разрушенных человеческих жизней было его заслугой.

Мне показалось, что ему около сорока лет, хотя, клянусь, он старше. Он даже не прекратил работать, разговаривая со мной. Самолет, над которым он трудился, был сделан из ткани, обычной старой тонкой ткани, которая была покрашена так, чтобы казаться металлом.

- Мистер, вы занимаетесь бизнесом, - сказал я прямо, - или вы открыли здесь новую церковь? Ты довел людей до того, что они ждут воскресенья, чтобы прибежать сюда, так, как они никогда не ждали его, чтобы сходить в церковь. Ты сделал так, что о близости к Богу заговорили те, кто вообще никогда не произносил слова "Бог" в течение всего времени, что я их знаю, то есть в течение всей своей жизни.

В конце концов он, кажется, начал понимать, что я не очень-то рад разговору с ним, и что, по моему мнению, ему лучше переехать в другое место.

- Извините меня за них, если можете, - сказал он. Но я едва ли мог его слышать. Он залез под приборную панель своего маленького самолетика и принялся раскручивать один из приборов. - Некоторые начинающие пилоты действительно увлекаются. Иногда нужно, чтобы прошло какое-то время, прежде чем они научатся спокойно говорить о своем любимом занятии.

Он вылез на минуту, чтобы выудить из ящика с инструментами отвертку с меньшим жалом. Затем он улыбнулся мне приводящей в ярость самоуверенной улыбкой, которая говорила, что он не собирается убираться отсюда, когда ответственный люди просят его об этом, и добавил:

- Наверное, я - миссионер.

- Ну, это уж слишком, - сказал я. - Я уже достаточно наслушался этих разговоров о полетах, которые даруют-мне-близость-к-Богу. Мистер, разве вы когда-нибудь видели Бога на престоле? Разве вы видели когда-нибудь, чтобы ангелы кружились вокруг вашего сколоченного на скорую руку аэроплана? - Я задал ему эти вопросы, чтобы отрезвить его, чтобы сбить с него спесь.

- Нет, - сказал он. - Никогда не видел Бога-на-престоле и ангелов с-белыми-крыльшками. Равно как не встречал и ни одного пилота, который бы настаивал на том, что видел их. - И снова он залез под приборную панель. Когда-нибудь на досуге, дружище, я расскажу вам, почему люди начинают говорить о Боге, когда впервые поднимаются в небо на аэроплане.

Он угодил прямо в мою ловушку, даже не произнеся с-вашего-разрешения-сказать. Теперь-то я смогу понаблюдать, как он будет выбираться из нее, как он будет заикаться "ну, знаете ли... это ведь, гм...", как он будет нечленораздельно бормотать что-то, доказывая тем самым, что является не лучшим проповедником Евангелия, чем работником мыловаренного завода.

Продолжайте, продолжайте, мистер Летчик, - сказал я. - Давайте прямо сейчас. Я вас слушаю. - Я не потрудился сказать ему, что принимаю участие во всех религиозных встречах, которые проходили в городе за последние тридцать лет. Мне даже было немного жаль его, потому что он не знал, с кем разговаривает. Но ведь он сам поставил себя в такое положение, занявшись своим смехотворным авиаклубным бизнесом.

- Хорошо, - сказал он, - давайте уделим минуту тому, чтобы определить, о чем мы будем

разговаривать. Вместо того, чтобы говорить "Бог", давайте будем, например, говорить "небо". Естественно, небо - это не Бог, но для людей, которые любят летать высоко над землей, небо может быть символом Бога, и это - не такой уж и плохой символ, если вы задумаетесь над ним.

Когда вы становитесь пилотом самолета, вы начинаете по-другому чувствовать небо. Небо всегда вверху.. его невозможно скрыть, убрать, сковать цепями или подорвать. Небо просто существует, независимо от того, признаем мы это или нет, смотрим мы на него или нет, любим мы его или ненавидим. Оно есть; спокойное, громадное, всегда там. Если вы не понимаете его, оно кажется очень загадочным, не так ли? Оно всегда движется, но никогда не уходит. Ему никогда нет дела ни до чего другого, кроме себя. - Он вынул прибор из панели, но продолжал говорить, никуда не торопясь.

- Небо всегда было, оно всегда будет. Оно все понимает правильно, никогда не обижается и не требует, чтобы мы делали что-то каким-то определенным образом, в какое-то конкретное время. Поэтому оно является не таким уж и плохим символом Бога, не правда ли?

Было похоже на то, что он разговаривает сам с собой, отсоединяя провода, вынимая прибор, - все это он делал медленно и осторожно.

- Это довольно плохой символ, - сказал я, - ведь Бог требует...

- Погодите, - сказал он, и мне показалось, что он вот-вот засмеется, глядя на меня. - Бог не требует ничего до тех пор, пока мы не просим ничего. Но как только мы желаем получить что-то от него, мы сразу сталкиваемся с требованиями, правильно? Так же и с небом. Небо не требует от нас ничего до тех пор, пока мы ничего не хотим получить от него, до тех пор, пока мы не стремимся полететь. После этого сразу же появляются всевозможные требования к нам и законы, которым мы должны подчиняться.

- Кто-то однажды сказал, что религия - это способ поиска истинного, и это неплохое определение. Религия пилота - полет.. в полете он постигает истину неба. При этом он должен подчиняться его законам. Законы вашей религии известны мне, а законы нашей называются "аэродинамика". Следуйте им, работайте с ними, и вы полетите. Если вы не следуете им, никакие слова и высокопарные фразы не заменят настоящий полет.. вы никогда не оторветесь от земли.

Здесь я поймал его.

- А как насчет веры, мистер Летчик? Ведь человек должен верить, чтобы...

- Забудьте об этом. Единственное, что требуется, - это следовать законам. Да, конечно, для того, чтобы попробовать, мне кажется, нужна вера, но вера - это не совсем подходящее слово. Желание - подходит лучше. Человек должен желать познать небо для того, чтобы воспользоваться законами аэродинамики и убедиться, что они работают. Однако в итоге все сводится к тому, как он следует этим законам, а не к тому, верит он в них или нет.

Существует, например, такой небесный закон, который утверждает, что если вы будете двигаться в этом самолете против ветра со скоростью сорок пять миль в час, опустив хвост вниз на высоту пропеллера, он взлетит в воздух. Он начнет удаляться от земли и приближаться к небу. Затем в силу вступают другие законы, но этот закон - едва ли не самый главный. Вам не нужно верить в него. Вам нужно лишь попробовать разогнать самолет до скорости сорок пять миль в час, и тогда вы во всем убедитесь сами. Когда вы сделаете это много раз, вы убедитесь, что этот закон всегда работает. Закону дела нет до того, верите вы в него или нет. Он просто работает каждый раз, и все тут.

Вера никуда вас не переместит, но если вы обладаете знаниями, пониманием, вы можете путешествовать куда угодно. Если вы не понимаете закон, тогда рано или поздно вы нарушите его. Нарушая законы аэродинамики, вы довольно быстро вывалитесь из неба, уверяю вас.

Он вылез из-под приборной панели, улыбаясь, будто вспомнил какой-то конкретный

случай. Но он не сказал мне о нем ничего.

- Можно сказать, что нарушение закона со стороны пилота приравнивается к тому, что вы называете грехом. Вы можете даже сформулировать определение греха так: это нарушение Божественного Закона, или как-то по-иному. Но все, что я понимаю в том, что вы называете грехом, сводится к тому, что что-то неопределенно отвратительное вы не должны делать по причинам, которые не до конца поняты вами. Во всем, что связано с полетом, нет никаких грехов. В этом отношении у пилота не может возникнуть недоразумений.

Если вы нарушаете законы аэродинамики, если вы пытаетесь удержать угол атаки семьдесят градусов на крыле, которое останавливается в полете при пятидесяти градусах, вы быстро потеряете из виду Бога, падая отвесно вниз, как любая другая тяжелая вещь. Если вы не покаетесь и не согласуете свое движение с аэродинамикой в течение довольно непродолжительного промежутка времени, вам придется понести наказание - в виде уплаты огромного счета за ремонт самолета - прежде чем вы снова сможете подняться в небо. В полете вы чувствуете себя свободно только в том случае, если повинуетесь законам неба. Если вы не желаете повиноваться им, остаток своей жизни вам придется провести прикованным к земле. Для пилотов самолетов это является адом.

В так называемой религии этого человека были такие большие дыры, что через них можно было проехать на грузовике.

- Все, что вы сделали, - сказал я, - это заменили христианские термины своими летными словами! Все, что вы сделали...

- Совершенно верно. Небо - не самый совершенный символ, но его намного легче понять, чем большинство современных интерпретаций Библии. Когда пилот теряет скорость в верхней точке мертвой петли и начинает падать, никто не говорит, что это происходит по воле неба. В этом нет ничего таинственного. Парень не выдержал правила, в соответствии с которым он должен был лететь более аккуратно и не пытаться сделать угол атаки слишком большим при данном весе самолета. Вот почему он начал падать. Он согрешил, вы можете сказать, но мы не считаем это отвратительным поступком, мы не будем бросать в него камни за это. Этот инцидент говорит сам за себя и дает понять, что ему есть еще чему поучиться, летая в небе.

Падая вниз, этот пилот не угрожает кулаком небу... он недоволен собой, недоволен тем, что не придерживался правил. Он не просит у неба снисхождения, не возжигает перед ним благовония, он снова поднимается в воздух и исправляет свою ошибку, делая на этот раз все правильно. Возможно, ему достаточно лишь увеличить скорость полета перед началом мертвой петли. Поэтому он может простить себе этот грех только тогда, когда он исправил ошибку. Его прощение в том и состоит, что он теперь вернул себе чувство гармонии с небом, а его мертвые петли стали удачными и красивыми. Вот что для пилота означает рай... это достижение гармонии с небом, знание его законов и следование им.

Он взял другой прибор со скамьи и снова заполз в свой самолет.

- Можно продолжать дальше столько, сколько вам угодно, - сказал он. Тот, кто не знает законов неба, сочтет чудом то, что большой тяжелый самолет будто по мановению волшебной палочки отрывается от земли, не цепляясь ни за что, кроме воздуха. Но это кажется чудом только до тех пор, пока вы не узнаете больше о небе. Пилот не считает, что это чудо.

Пилот самолета с мотором не говорит: "Вот так чудо!", когда видит, как безмоторный планер набирает высоту. Он знает, что планерист действительно внимательно изучил небо, и теперь претворяет в жизнь свои знания.

Возможно, вы не согласитесь со мной, когда я скажу, что мы не поклоняемся небу, как чему-то сверхъестественному. Нам не кажется, что нужно воздвигать храмы или приносить ему жертвы. Мы считаем, что нам нужно только понять небо, познать его законы, влияние этих

законов на нашу жизнь. Лишь так мы можем достичь лучшей гармонии с небом и найти свободу. Вот откуда берется радость, которая вынуждает все новых пилотов садиться на землю и говорить о том, что они были рядом с Богом.

Он плотно привинтил провода к новому прибору и внимательно проверил их подключение.

- Когда начинающий пилот делает свои первые шаги в понимании небесных законов и видит, что они работают в его руках точно так же, как в руках других пилотов, тогда полет начинает приносить ему радость, и он, возможно, ожидает возвращения в аэропорт так, как проповедники хотели бы, чтобы их прихожане ожидали прихода в церковь. Каждый день пилот изучает что-то новое, что-то такое, что приносит радость и свободу от привязанности к земле. Другими словами, пилот, изучающий небо, познает реальность. Он счастлив, и каждый день для него - праздник. Разве не так должны чувствовать себя прихожане?

Наконец я поймал его.

- Значит, ваша религия говорит, что ваши пилоты не являются ничтожными грешниками, которым вскоре придется мучиться в аду и жариться в вечном огне проклятия?

Он снова улыбнулся той приводящей в ярость улыбкой, которая не давала мне даже удовольствия думать, что он ненавидит меня.

- Нет конечно же, если они могут удачно выйти из мертвой петли...

Он закончил работать с аэропланом и выкатил его из сарая на солнечный свет. Облаков уже почти не осталось.

- Я думаю, что вы - язычники. Как вам это нравится - спросил я со всей злостью, которая была во мне. Я надеялся, что молния тут же поразит его насмерть, чтобы доказать ему, каким неисправимым язычником он в действительности является.

- Вот что я вам скажу, - ответил он. - Мне нужно проверить, как работает этот прибор. Почему бы вам не пролететь со мной немножко над полем, и тогда вы сами сможете сделать вывод о том, кто мы - язычники или сыны Божии.

Я сразу понял, на что он намекает... он хочет вытолкнуть меня за борт, когда мы будем высоко над землей, или попасть в воздушную яму и погибнуть вместе со мной из ненависти ко мне.

- Нет, только не это! Не надо поднимать меня в небо в этом гробу. Я вам не чета, вы это знаете. Вы - язычник и будете вечно жариться в адском пламени. Его слова прозвучали так, будто он сказал их для себя, а не для меня... так тихо, что я едва ли расслышал его.

- Не буду до тех пор, пока повинуюсь законам неба, - сказал он.

Он забрался в свой маленький матерчатый аэроплан и завел мотор.

- Вы уверены, что не желаете прокатиться вверху - крикнул он.

Я не удостоил его ответом, и он поднялся в воздух сам.

Так слушайте же меня, вы, летающие люди, которые говорят о своем знании неба и о своих законах аэродинамики. Если вы говорите, что небо это Бог, вы оскверняете тайну, навлекаете на себя проклятие, и молния поразит вас и все другие бедствия будут преследовать вас за ваше святотатство. Спуститесь же с неба, придите в себя и никогда больше не требуйте, чтобы мы приходили к вам в воскресенье в середине дня.

Воскресенье - это день богослужения. Не забывайте об этом.